

Императорский университет в Варшаве :

проблемы польско-российских взаимоотношений (1869-1915)

С. И. Михальченко (*Брянский государственный университет*)

Впервые университет в Варшаве был основан в 1815 г.¹, однако просуществовал лишь до начала 1830-х гг., будучи закрыт после польского восстания. Через тридцать лет, в 1862 г. Александр II в период либеральных реформ восстановил польское высшее учебное заведение в Варшаве под названием Главной Школы.

В 1869 г. польское высшее учебное заведение было преобразовано в русский Императорский Варшавский университет (ИВУ). Преобразованию Главной Школы предшествовало посещение Варшавы министром народного просвещения Д. А. Толстым. Приняв 12 сентября 1868 г. преподавательский состав Школы, Толстой заявил, что « воля государя императора состоит в том, чтобы доставить лштелям этого края всевозможные средства к образованию, но разумеется, с тем, чтобы оно послужило не во вред, а на пользу государству,... не к отчуждению, а к сближению его [края] с остальными частями империи». По мнению министра, этот университет не должен был стоять «враждебным особняком на окраине государства», он должен был войти в общую « столь почтенную семью Российских Императорских университетов »². На практике цель университета виделась правительством в русификации поляков, прежде всего молодежи.

¹ Историю Варшавского университета в 19 в. см.: *И.П. Щелков*, 1893, Очерк истории высших учебных заведений в Варшаве до открытия Императорского Варшавского университета // *Варшавские университетские известия (далее: ВУИ)*, 1893, № 8,9 ; *S. Askenazy*, 1905, *Uniwersytet Warszawski*, Warszawa; *П. А. Кулаков-скин*, 1913, Вопрос о Варшавском университете и польский школьный законопроект 1907 г. (= *Русский русским*, вып. 5). СПб., 3-153; *А. Е. Иванов*, 1995, Варшавский университет в конце XIX - начале XX века // *Польские профессора и студенты в университетах России (XIX - начало XX в.)*, Варшава; *он же*, 1997, *Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект// Отечественная история*, 1997:6, Ч-33; *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego. 1815-1915. Pod red. S. Kieniewicz*, Warszawa 1979; *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego, 1915-1939. Pod red. A. Garlickiego*, Warszawa 1982. См. также: *S. Kieniewicz*, 1976, *Warszawa w latach 1795-1914 (= Dzieje Warszawy, T. III)*, Warszawa, 264-265, и др.

² Цит. по: *А.А. Сидоров*, 1901, *Русские и русская жизнь в Варшаве (1815-1895)*, Варшава, 154-155.

Боясь неблагоприятных для себя последствий, правительство распространило на университет особый, отличный от других российских университетов, устав. Так, вместо 53 положенных кафедр в Варшаве было только 46. Для усиления воспитания « в нужном русле » на юридическом факультете, например, читались т.н. дополнительные предметы, отсутствовавшие в планах других университетов, прежде всего, русская история и русский язык. Русский язык преподавался потому, что вначале большинство слушателей были поляки, плохо его знавшие. Русская же история нужна была для воспитания в патриотическом духе. Все занятия проводились, разумеется, на русском языке независимо от национальности профессора. Следует отметить, что и при введении нового общероссийского университетского устава 1884 г. устав Варшавского (а также Дерптского) университета остался прежним, своим собственным; в него были внесены лишь некоторые изменения. (Впрочем, недемократичный устав Варшавского университета 1869 г. был до некоторой степени прообразом контрреформистского устава 1884 г.). Студенты, написавшие выпускную работу и имевшие преимущественно отличные оценки, по окончании курса могли получить степень кандидата, ликвидированную в 1884 г. в других университетах (также кроме Дерптского). Наконец, в Варшаве (и только в ней) вплоть до ликвидации университета сохранялась должность штатного доцента, в то время как приват-доцентов почти не было.

После преобразования Школы в университет перед преподавателями ее правительством была поставлена задача переаттестации их ученых степеней, если они были получены не в российских университетах (по сути, речь шла о новой защите диссертаций). В течение трех лет такая переаттестация была проведена.

После преобразования Школы в университет перед вновь образованным учебным заведением встали задачи по организации « правильного » управления. Поскольку студенты Школы перешли в университет, то еще несколько лет университет продолжал выдавать старые магистерские дипломы. Была утверждена дата годовичного акта нового университета — день тезоименитства императора Александра II (30 августа). Поскольку наименования кафедр факультетов Школы и университета различались, то некоторые новые кафедры оказались незамещенными. Поэтому чтение по этим кафедрам было поручено за дополнительное вознаграждение совместителям, например, на юридическом факультете историю русского права поручили читать

занимавшему кафедру государственного права экстраординарному профессору Н. И. Хлебникову, финансовое право — занимавшему кафедру политической экономии и статистики экстраординарному профессору Г. Ф. Симоненко, международное право — специалисту по государственному праву, и. д. ординарного профессора А. К. Бялэцкому (из трех перечисленных профессоров только Бялэцкий так и остался на новой для него кафедре)³. В общей сложности из 76 бывших профессоров Главной Школы только 20 отказались проходить переаттестацию и учить русский язык и вынуждены были совсем уйти из университета⁴. Поэтому вплоть до середины 1880-х годов большинство членов профессорской корпорации оставалось польским по национальности. Впрочем, многие так плохо знали русский язык, что, по свидетельству служившего в Варшаве в 1879-1885 гг. историка Н. И. Кареева, « читали на невероятном языке: например, профессор гигиены говорил студентам о «казачьем молоке», вместо козьего, а другой — любителей искусства назвал « любовниками штуки »⁵. Взаимоотношения русских и польских профессоров часто бывали неприязненными. Тот же Кареев описал следующий случай:

Сижу я однажды в профессорской рядом с очень корректным, даже как бы накрахмаленным, юристом, профессором Бялэц-ким, и оживленно беседуем. В наш разговор вмешался профессор-математик Н.Я. Сонин... В конце этой беседы втроем Бялэцкий обращается ко мне со словами: Будьте добры представить меня профессору Сонину, с которым мы уже встречаемся несколько лет и до сих пор я не имел чести быть лично знакомым (*там же*, 163).

В конце 1920-х годов, когда Кареев создавал свои воспоминания, он мог вспомнить лишь нескольких профессоров-юристов:

Ф.Ф. Зигеля, профессора истории славянских законодательств, человека порядочного, но в общественном смысле индифферентного; разбитного Дм.Як. Самоквасова, историка русского права с очень странными теориями и археолога-самоучку; донельзя трусливого Гр.Ф. Симоненко, экономиста и статистика, полемизировавшего с поляками, но более всего — молодого в то время доцента А. Л. Блока, отца известного поэта. С Блоком в варшавские годы я был довольно близок... Блок был очень

³ См. протоколы заседаний Совета ИВУ за 1870 г. // ВУИ, 1870:3, 206-207 (протокол от 17.03.1870); ВУИ, 1870:4, 264-265 (протокол за 19.05.1870).

⁴ А.Е. Иванов, Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // Отечественная история, 1997:12,23.

⁵ Н.И. Кареев, 1990, Прожитое и пережитое, Л., 157 (*sztuka* (польск.) — 'искусство').

интересный собеседник, любивший серьезные научные разговоры, очень часто приходивший ко мне, чтобы вместе пофилософствовать. В pendant к моим «Основным вопросам философии истории» он, государствовед, собирался писать (но не написал) «Коренные вопросы теоретической политики» (*там же*, 169).

Вообще, атмосфера Варшавского университета не отличалась душевностью и чувством взаимопомощи между профессорами. При переходе Кареева из Варшавы в Петербург министр народного просвещения И. Д. Делянов спросил его:

«Поляки заели?» «Нет», — отвечаю, — на поляков пожаловаться не могу, а вот сами там себя едим: многие свои же недовольны мною, находя меня «полякующим», я же не чувствую себя способным вести иную политику (*там же*, 175).

Тринадцатью годами позже, в 1898 г., когда уже большинство профессоров были русскими, атмосфера в университете не улучшилась. Только что назначенный туда исполняющий должность доцента по кафедре уголовного судостроения и судопроизводства Г. В. Демченко писал в Харьков своему коллеге Н.А. Максимейко:

В Варшаве с внешней стороны жизнь прекрасная, благоустроенная; библиотека отличная (в три раза больше киевской). Но общественной жизни, собственно, нет никакой и с этой стороны Варшаву нельзя сравнивать не только с Москвой, но даже с Харьковом или Киевом. Среди коллег есть более или менее симпатичные люди; но варшавский тон отличается от киевского или московского — нет той простоты отношений. На факультете и в совете у нас, как и везде, нелады и часто дело доходит чуть ли не до ругани⁶.

Не остался не замеченным Демченко и «жесточайший, обо-стреннейший национальный вопрос». Служивший одновременно с Демченко в Варшавском университете историк Д.М. Петрушевский называл университет «помойной ямой», а в письме медиевисту В. Н. Пискорскому замечал: «Эмансипировав себя от дурного воздуха, я остался всего лишь в безвоздушном пространстве»⁷.

⁶ Центральный государственный исторический архив Украины, ф. 2042, оп. 1, д. 71, л. 3-3 об. (письмо от 18.01.1898 г.).

⁷ Цит. по: Ю.Ф.Иванов, 1990, К истории докторской диссертации Д.М. Петрушевского // История и историки, М., 302.

С начала XX в., с постепенной сменой поколений в профессорской среде, большой проблемой в жизни юридического факультета становится нехватка преподавателей и, как следствие, периодическая незанятость некоторых кафедр.

В феврале 1905 г. в письме на имя ректора университета декан факультета Ф.Ф. Зигель подчеркивал:

Количество преподавателей, а вместе с тем ординарных и экстраординарных профессоров в юридическом факультете Императорского Варшавского университета крайне незначительно, особенно принимая во внимание число студентов (около 600). Поэтому некоторым профессорам приходится читать или одновременно несколько курсов (проф. Трепицын) или по очереди два предмета (проф. Симоненко читает один год статистику, другой год — политэкономии), даже весьма важный предмет, как римское право излагается часто этим преподавателем⁸.

Особую важность проблема нехватки преподавателей приобрела после перерыва в работе университета. За 1905-1908 гг. многие сотрудники покинули университет. Так, Ф. В. Таранов-ский уехал в Демидовский юридический лицей в Ярославле, Г.В.Демченко — в университет св. Владимира в Киеве, А.В. Горбунов — в Московский университет. Значительно осложняло занятие вакантных кафедр почти полное отсутствие приват-доцентов в ИВУ. После разрешения приват-доцентуры в 1899 г. на должности приват-доцентов назначались исключительно православные (то есть не поляки) и в основном по естественным наукам. В 1909 г. приват-доцентура была вновь запрещена, так как возникло много желающих из поляков стать приват-доцентами; затем в условиях запустения кафедр в 1911 г. снова разрешена⁹. Незаполнение кафедр привело к тому, что по возобновлении занятий на I курсе с 1.09.1908 г. историю русского права, например, вынуждены были читать специалист по славянским законодательствам Ф. Ф. Зигель и международник В.Н. Александренко, римское право — цивилист И.Н. Трепицын.

В 1908-1912 гг. университет предпринимал постоянные действия по заполнению вакантных кафедр. Однако особые условия жизни в Варшаве не способствовали закреплению иногородних кадров. К сентябрю 1912 г. на юридическом факультете было всего десять преподавателей на почти тысячу студентов. Избранный на кафедру полицейского права Матвеев уехал в

⁸ Archiwum Państwowe miasta stołecznego Warszawy (APW), z. 241 (Cesarski Uniwersytet w Warszawie), s. 110, k. 191 od.

⁹ Там же, s. 111.

Казань; В.И. Синайский, проработав два года, перешел в Киев; М.И. Митилино, специалист по гражданскому процессу, переехал туда же. Казалось, помочь в замещении вакантных кафедр могли бы профессорские стипендиаты. Однако, по сравнению с другими российскими (во всяком случае, столичными) университетами, в Варшаве было значительно меньше оставляемых при кафедрах. За все время существования юридического факультета были оставлены лишь около десяти человек. При этом, за 1886-1901 гг. только три человека. Вероятно, это проистекало из того, что до 1905 г. большинство студентов были поляки (в 1904 /1905 уч. году русских студентов на факультете было всего 246 из 1485)¹⁰, а готовить из них преподавателей министерство не рекомендовало. Так, несмотря на просьбы влиятельного в академическом мире профессора Ф. И. Леонтовича, не был оставлен при кафедре гражданского права А.И. Даринский¹¹. (Едва ли не единственным исключением было оставление профессором И. Н. Трепицыным в 1905 г. при кафедре гражданского права Карла Лютостанского. При этом Лютостанскому, несмотря на его статус, министерство запретило читать курс гражданского судопроизводства, хотя специалиста по этой дисциплине на факультете не было¹²). Ждать же достойных выпускников православного вероисповедания приходилось долго. Не помогало продвижению в магистры, судя по всему, и сохранение в ИВУ степени кандидата (а выпускник, не имевший этой степени, не мог стать профессорским стипендиатом) — некоторые кандидатские сочинения были столь низкого уровня, что не считывались профессорами. Так, например, 28 января 1913 г. было представлено кандидатское сочинение окончившего курс в 1912 г. Алимпия Панасенко «Западно-русская политическая литература, относящаяся к Брестской унии 1596 г., и значение Брестской унии для истории литовско-русского права». В отзыве профессора П. Верховского отмечалось, что

по своему содержанию сочинение не заключает в себе ничего юридического, будучи посвящено исключительно разбору и пересказу западно-русской политической литературы богословского характера... О литовско-русском праве нет ни одного слова¹³.

Соискателю было предложено представить другое сочинение.

¹⁰ См. : *Askenazy*, Uniwersytet Warszawski.

¹¹ АРВС, z. 241, s. 113, k. 112-116.

¹² Там же, s. 483, k. 146.

¹³ Там же, s. 498, k. 38-38 od.

Малое количество собственных профессорских стипендиатов предопределило и незначительное количество защит диссертаций в университете (если не считать кандидатские). С 1873 по 1902¹⁴ действовало распоряжение Министерства народного просвещения от 30 июня 1872 г. за № 7262, по которому к защите диссертации на ученые степени магистра и доктора в ИВУ допускались только те лица, которые «выдержали в оном устное и письменное испытание на означенные степени»¹⁴. За это время на юридическом факультете защитился только один соискатель докторской степени — известный историк права Д. Я. Самоквасов. (Для этого Самоквасову пришлось, видимо, испрашивать специальное разрешение; во всяком случае, получивший от ИВУ в 1888 г. магистерскую степень по римской словесности выпускник Московского университета С. И. Вехов испрашивал и получил от Министерства народного просвещения такое разрешение¹⁵). Другие преподаватели ИВУ остепенялись в других университетах — например, А. Л. Блок получил магистерскую степень в С.-Петербурге. В 1892 г. из двенадцати преподавателей юридического факультета только Самоквасов имел степень доктора от ИВУ; трое были докторами Московского университета; трое — докторами Петербургского; один — доктором Новороссийского; двое — магистрами Петербургского; один — кандидатом прав Харьковского и один — кандидатом прав Петербургского университетов.¹⁶

После отмены постановления ситуация, однако, не изменилась. Даже магистранты ИВУ Е.В. Спекторский и Ф.В. Тарановский защищали магистерские диссертации не в Варшаве, а — соответственно — в Юрьеве и Петербурге. В 1910 г. обратился было на факультет с просьбой принять к защите докторскую диссертацию «Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве» профессор В. И. Синайский, но вскоре, без формального объяснения причин, снял свою просьбу¹⁷. Судя по имеющимся данным за 1908-1915 гг., на факультете за этот период прошла только одна защита: и ноября 1912 г. адъюнкт-профессор Ново-Александровского института сельского хозяйства М. И. Назаревский защитил

¹⁴ Archiwum Głównie Akt Dawnych (AGAD), z. Centralne Władze Oświatowe (cwo), s. 250 (циркуляры за 1902 г.), с. 119.

¹⁵ Российский государственный исторический архив, ф. 740, оп. 7, д. 378, л. 107.

¹⁶ Памятная книжка Варшавского учебного округа, Варшава, 1892, 26-28.

¹⁷ APW, z. 241, s. 483, k. 305.

магистерскую диссертацию по политэкономии и статистике «Очерки по истории и теории коллективного капиталистического хозяйства»¹⁸.

Причина непопулярности степеней ИВУ даже после отмены ограничений на их приобретение не вполне ясна. Вероятно, она кроется как в меньшей престижности Варшавского университета по сравнению с другими, так и в частом отсутствии специалистов с докторскими степенями по необходимым отраслям права.

Количество оставляемых при кафедрах профессорских стипендиатов увеличилось лишь в предвоенные годы, когда многие кафедры оказались занятыми магистрантами. Способствовало этому, видимо, и то обстоятельство, что после возобновления занятий в ИВУ в 1908 г. абсолютное большинство студентов в нем были православного вероисповедания. Важной проблемой жизни университета в начале XX в. были оптимизация состава и продолжительность чтения учебных курсов. Так, в сентябре 1905 г. юридический факультет обратился к ректору с просьбой о введении второй профессуры по гражданскому праву и создании новых кафедр: истории польского права и сравнительного церковного права. Вторая профессура по гражданскому праву была нужна, так как в ИВУ излагалось не только русское гражданское право, но и использовавшийся в юридической практике Царства Польского Кодекс Наполеона; история польского права требовалась так как основным контингентом студентов были поляки, кроме того, в Варшаве имелись богатые архивы письменных памятников польского права; наконец, в свете преподавания церковного права во всех университетах, в Варшаве изучение как православного, так и римско-католического права было бы особенно полезно¹⁹. Значительное количество времени, отводимое на юридическом факультете на преподавание положенных по уставу ИВУ т.н. дополнительных предметов (русской истории, истории философии) приводило к тому, что на специальные дисциплины оставалось меньше времени, чем в других университетах, а некоторые кафедры, имевшиеся на других юрфаках, вовсе отсутствовали, и сентября 1908 г. декан факультета Блок выступил с предложением ликвидировать дополнительные предметы, тем более, что по содержанию они перекликались с обязательными — историей русского права, энциклопедией права. Кроме того, разница в учебных планах осложняла перевод из университета в университет.

¹⁸ Там же, к. 389. См. также *ibid.*, s. 486.

¹⁹ Там же, s. 483, к. 146-149 od.

Наконец, возникла и чисто техническая проблема: дополнительные предметы зачастую читались одновременно юристам и историкам (для последних они были, конечно, обязательными), а мест в аудиториях не хватало²⁰. Несмотря на все просьбы, дополнительные предметы остались в плане юридического факультета даже после перевода университета в Ростов, когда, казалось, задача русификации слушателей перестала быть первостепенной.

Национальный вопрос не мог не затронуть и студентов Варшавского университета. Как и в других университетах империи, по количеству обучавшихся юридический факультет стоял на втором месте после медицинского, в отдельные годы опережая его (в 1869/1870 уч. г. на юридическом факультете обучалось 39% студентов, на медицинском 31%, в 1889/1890 уч. г., соответственно, 33 и 50 %, в 1899/1900 уч. г. — 46 и 33 %). Возросший интерес молодежи к праву объяснялся большими потребностями в юристах, испытываемыми судебными учреждениями после реформы 1864 г. По воспоминаниям студента Московского университета конца XIX в.,

многие из нас со второго-третьего курса начинали мечтать о профессорской кафедре и уголовной защите. Профессура и адвокатура — вот два пути, привлекавшие большинство из студентов моей группы, и только очень немногие, главным образом, из провинциалов, думали о чиновничьей карьере²¹.

В Варшавском университете ситуация была, в общем, аналогичная с поправкой на то, что путь в профессуру для поляков был заказан, поэтому выпускники, главным образом, стремились в адвокаты.

Первоначально абсолютное большинство студентов было поляки. В университете в 1870 г. училось около 86 % студентов-католиков (то есть фактически поляков), к 1900 г. их число уменьшилось до 60,7 %, в 1905/1906 уч. г. число католиков сравнялось с православными и составило 40 % (были еще студенты-иудеи, лютеране и мусульмане). После вторичного открытия университета в 1908 г. картина изменилась — абсолютное

²⁰ Там же, s. 483, к. 183-185 od.

²¹ С.К. Сочивко, 1934, Шестая Симфония // Памяти русского студенчества конца XIX - начала XX веков. Сборник воспоминаний, Париж, 24.

большинство теперь составляли православные, католиков же было менее 15 % (1914/1915 уч. г.)²². По свидетельству Н.И. Кареева, в 1870-80-е годы

студенты-поляки очень были непохожи на тогдашних русских. Это были чистенькие франтики, очень вежливые, толпившиеся в цукернях, где в большом количестве потребляли сладкие пирожки²³.

Но позже к ним стал проникать иной дух — «заговорили о сходках, о землячествах, о студенческой кассе и т.п.». Первоначально студенческие землячества соревновались друг с другом лишь в деле создания церковных хоров в Варшаве, в деле организации и проведения религиозных праздников²⁴. По свидетельству учившегося в Варшавском университете в первой половине 1870-х годов К.Н. Тура, это был самый спокойный университет в империи. Студенческой инспекции нечего было делать, поскольку студенты порядок не нарушали²⁵.

О каких-либо грандиозных попойках, скандалах, нарушениях общественной тишины со стороны студентов не было слышно. Не было в Варшавском университете традиционного празднования дня открытия университета... Студенты даже не интересовались днем открытия университета..²⁶

Русские студенты держались особняком и, за редким исключением, практически не общались с поляками. Все разрешенные руководством университета вопросы университетской жизни (например, устройство концертов в пользу бедных студентов) решались только поляками. Совершенно отдельно не только от русских, но и от остальных поляков держались выходцы из аристократических семей, так называемые паны.

Кто были русские студенты Варшавского университета? Прежде всего, это были, конечно, выпускники гимназий При-вислинского края; так, например, из Варшавы — выпускники Первой гимназии, где учились дети русских чиновников, приезжавших на службу в Польшу. Второй значительной категорией русских студентов являлись семинаристы, поступление которых в университеты Центральной России было затруднено. «Уроженцев России привлекали в Варшавский университет

²² Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego. 1815-1915, 442, 445, 552.

²³ Кареев, Прожитое и пережитое, 164.

²⁴ Н. А. Дернов, В.Н. Вершковский, 1935, Ростовский Государственный университет за 20 лет (1915-1935) // ^{xx} лет Ростовского-на-Дону Государственного университета (= Ученые записки РГУ. Юбилейный выпуск), Ростов, 37.

²⁵ К.Н. Тур, Студенческие годы // Русская старина, 1912:9, 430-431.

²⁶ Там же, 436.

установленные нарочно и специально с этой целью стипендии по 350 р. в год всего в количестве 30 ». Полякам стипендии тоже платились, но меньше и из внебюджетных средств²⁷.

Аполитичность варшавского студенчества стала постепенно размываться к 80-м годам. Политизации студентов способствовала откровенно русификаторская политика местной администрации Привислинского края. Так, например,

отметка по русскому языку определяла даже и степень диплома; ... если по всем специальным предметам студент имел отличные оценки, а по русскому языку — удовлетворительные оценки, то он получал при окончании диплом 2 степени²⁸.

Особенно прославился на этом поприще А. Л. Апухтин, бывший попечителем Варшавского учебного округа на протяжении почти двадцати лет с 1879 по 1897 г.²⁹. Невзлюбившие Апухтина поляки всячески издевались над ним в неподцензурной печати австрийской части Польши. В апреле 1883 г. дошло и до «оскорбления действием». Студент 1 курса юридического факультета Евгений Жукович (русский!) ударил Апухтина перчаткой по щеке в ответ на недостаточно вежливый ответ на поданное прошение. Студент был арестован, исключен из университета и осужден к тюремному заключению. В ответ на это на сходку собрались 202 студента, потребовавшие отменить русификаторскую политику в крае³⁰.

Следующие крупные студенческие волнения в Варшавском университете произошли в феврале 1899 г., когда по всей стране развернулась всероссийская студенческая стачка, вызванная разгоном демонстрации студентов Петербургского университета в Татьянин день 8 февраля. Студенты призвали восстановить исключенных собратьев, уничтожить в университете должность педелей, следящих за дисциплиной, уравнивать в университете права разных национальностей и религий. Занятия были прерваны на две недели, 167 студентов были исключены из университета³¹.

Выступления студентов не прекращались и в начале XX в. В ноябре 1903-январе 1904 г. университет был закрыт на шесть недель. Когда 7 января 1904 г. занятия возобновились, на лекции профессора Зигеля, начавшейся при 18 слушателях,

²⁷ Тур, Студенческие годы, 437.

²⁸ Дернов, Вериковский, Ростовский Государственный университет.

²⁹ См. подробнее: Т. Manteuffel, 1929, Centralne Władze Oświatowe na terenie b. Królestwa Kongresowego (1807-1915). Warszawa.

³⁰ Кареев, Прожитое и пережитое, 159; СЕ. Белозеров, 1959, Очерки истории Ростовского университета, Ростов-на-Дону, 21.

³¹ Белозеров, Очерки, 20-21.

Нагурский Сигизмунд, подойдя к кафедре профессора, обратился к нему с каким-то предложением, после чего профессор подошел к слушателям и начал с ними беседу, продолжавшуюся 10-15 минут³²,

после чего часть студентов вышла из аудитории. Уже на следующий день, 8 января, в студенческой читальне появилась прокламация на польском языке с призывом не ходить на занятия, не верить вестям об устранении ректора Ульянова (это было одно из требований студентов). 9 января ряд студентов пробовали продолжить обструкцию. Так, на лекции профессора Петрушевского было 4 слушателя, у доцента Спекторского — 17 человек³³. Особенно крупные беспорядки произошли в Варшавском университете в 1905 г. Сразу после Кровавого воскресенья в январе-феврале прошло несколько крупных демонстраций. Начался бойкот университета польской молодежью, абсолютное большинство студентов покинуло аудитории. Фактически с 15 января регулярных занятий не проводилось. Не ослабли беспорядки и осенью, 10 сентября студенческая сходка подала петицию со следующими требованиями:

1) свобода преподавания; 2) польский характер университета; 3) учреждение новых кафедр с преподаванием на польском языке — истории Польши и истории польского права; 4) профессора должны быть поляками; 5) в университете должна быть польская администрация; 6) автономия университета; 7) отмена инспекции; 8) свободная организация студенчества; 9) свободный доступ в университет всех желающих без различия пола, вероисповедания и национальности; 10) отмена аттестаций о благонадежности; 11) автономия Польши³⁴.

15 октября студенты воспрепятствовали профессору Есипову начать чтение лекции; профессор Амалицкий (географ) был избит. В итоге, 27 октября 1905 г. университет был закрыт по ходатайству совета университета. В решении совета отмечалось:

Волнения достигают той степени, при которой университет даже не в состоянии обеспечить и, следовательно, принять на себя ответственность за личную безопасность как преподавателей, так и

³² APW, Z. 241, S. 332, к. 32.

³³ Там же, к. 83-85.

³⁴ Бепозеров, Очерки, 29.

студентов. Национально-политическая борьба вступает в период насилия и террористических покушений. В таких условиях всякая учебная деятельность в университете оказывается невозможной³⁵,

и три года он не функционировал как учебное заведение.

Во время закрытия университета развернулась дискуссия, стоит ли вообще в Варшаве оставлять русский университет. Ряд профессоров (не говоря уже о польской общественности) выступали за открытие в Варшаве польского университета; при этом существующий университет предлагалось перенести в один из городов России. К такой же мысли склонялся и министр народного просвещения И. И. Толстой. Большинство профессуры, однако, выступало за сохранение именно русского университета в Варшаве. В итоге университет оставили, но правила приема в него изменились, что обеспечило изменение состава студентов³⁶. Было принято также решение в 1908 г. набирать студентов только на первый курс.

С тем, чтобы предупредить в дальнейшем события подобного рода, в 1908 г. университету были даны новые правила приема. Предлагалось, «во-первых, в число студентов принимать только тех воспитанников гимназий и других учебных заведений, которые окончили эти учебные заведения в течение последних двух лет»; во-вторых, «от поступающих в университет требовать свидетельства о благонадежности»; в-третьих, «облегчить воспитанникам православных духовных семинарий доступ в Варшавский университет. Семинаристы, независимо от времени выпуска из семинарии, могли быть принимаемы в число студентов на все факультеты... без дополнительных испытаний в гимназиях»; в-четвертых, «не только в число студентов, но и в число посторонних слушателей ни в коем случае не принимать лиц женского пола»; в-пятых, «к посторонним слушателям иудейского вероисповедания применять ту же процентную норму, что и для студентов» (т.е. не более ю %)³⁷. После

³⁵ Цит. по: *Иванов*, Русский университет, 26.

³⁶ См. подробнее: *Там же*, 29-30.

³⁷ Цит. по: *Белозеров*, Очерки, 41-42. 17 октября 1908 г. начальник Варшавского охранного отделения подполковник П. Заварзин сообщал: «В текущем году, с разрешения Министерства народного просвещения последовало открытие в городе Варшаве университета и политехникума. Названные учебные заведения наполнялись в подавляющем большинстве русскими студентами» (*H. Rappraport*, ред., 1974, *Reakcja Stołypinowska w Królestwie Polskim. 1907-1910*, Warszawa, 331).

подобных мероприятий состав студенчества очень сильно изменился — абсолютное большинство теперь составляли православные.

Драматической страницей в биографии ИВУ стала его эвакуация в период Первой мировой войны. Во всех имеющихся описаниях истории университета этому важному событию посвящено всего несколько строк. Изучение документов, хранящихся в Архиве города Варшавы, показывает, что всего было две эвакуации. Первая была организована уже в 1914 г., вскоре после начала военных действий. Тогда вывезли в Москву часть книг из библиотеки, обсерваторию, документы канцелярии. Однако поскольку в 1914 г. русским войскам на западном фронте сопутствовал успех, то эвакуация была отменена, осенью состоялся новый набор студентов и часть вывезенного пришлось возвращать в Варшаву. К лету 1915 г. обстановка на фронте изменилась, началось отступление русской армии и университет был в июне эвакуирован: из Варшавы уехали все желающие сотрудники (часть служащих-поляков пожелала остаться в городе), включая работников канцелярии. По свидетельству ректора университета С. И. Вехова,

вывезти удалось текущие дела канцелярии, из библиотеки — рукописи и наиболее ценные дела, а из кабинетов и лабораторий только наиболее ценное и в то же время менее громоздкое имущество, словом то, что можно было собрать в течение краткого срока, данного для сборов³⁸.

В Варшаве остались многочисленные ценности, в том числе основная часть библиотеки. После того, как университет окончательно обосновался в Ростове-на-Дону, по разным вузам было разослано письмо с просьбой помочь в комплектовании кабинетов университета, так как оборудование было почти полностью утрачено³⁹. Рассматривались различные места дальнейшей работы университета — предлагались Вильна, Витебск, Минск, Смоленск. Лишь после того, как 5 мая 1917 г. университет был переименован в Донской, стало ясно, что Ростов стал постоянным местом пребывания учебного заведения.

³⁸ APW, z. 241, s. 323, k. 92.

³⁹ APW, z. 241, s. 485, k. 454.